
Снимается наш Афоня на фоне Левиафана
То трезвый, то в шлемофоне, то, извините, пьяный.

Снимается наш Афоня, да там этих снимков – с горкой,
В Берлине и на Афоне, да в Пальма-де-блин-Мальорке.

Афоня дерзит – но в меру, Афоня наш меру знает,
Терпеть не может премьера, но Путина – уважает.

Афоня такой спокойный, Афоня такой понятный,
Откроет окно Овертона, потом закроет обратно.

Афоня будильник вертит, ему на работу рано...
Пройдут и Левиафаны, Афоня и не заметит.

Мы брали – ну и перебрали,
Затих наш умный разговор...
О чём играет на рояле
Непросыхающий тапёр?

Как у него выходит гладко,
Слащаво, всё да об одном...
Играет он о чём-то гадком,
О чём-то мерзком, неродном...

О чём-то гадком, чём-то мерзком,
Неторопливо, не спеша,
Так не по-русски, не по-детски,
Что аж кукожится душа.

Я морщусь, а сосед икает,
И нужно что-то предпринять...
Пока в тапёра не стреляют –
Он не научится играть.

откроешь утром холодильник,
а там постелена соломка,
а там постелена соломка:
бутылка пива и кефир.

откроешь утром холодильник
и собираешь из обломков
сперва души своей потёмки
потом прекрасный новый мир.

Коктебель

сiju у моря, жду Кабанова
(вдруг доведёт язык до Киева?)

и хочется чего-то странного,
а Коктебель, верней, огни его

смываются слезой нетрезвою
(нож так и метит в резус-факторы)
а луч луны скользит по лезвию
почти секретного фарватера.

Коктебель 2.0

Алексею Остудину

1

На "Эффект красных глаз"
наложился эффект красных вин.
Протекло в багаже каберне.
Или нет - саперави.
Две зажжённых свечи,
Ты пошутишь, мол, стереорин.
В Феодосии?, нет, в Судаке?..
В Коктебеле?, нет, не в Балаклаве...

2

Заскучавши в начале зимы
И вздыхая нетяжко
Вспоминать крымский воздух нарезанный доль-
ками света и тьмы
Ты сказал бы - разлитый по фляжкам.

Феодосия

Искупаться лишь раз, в самый первый день
(Айвазовского видел, у Грина был),
Сесть куда потише, забиться в тень,
И не вспоминать то, что позабыл.

Покупать на рынке вино, кизил,
Прямо в тапках ходить встречать поезда
И о том, что, что-то там позабыл,
Позабыть уже навсегда.

Морского волка кормят плавники.
И те, кто заплывает за буйки.
Хватает виртуозно за мениск
И тянет с безнадёжной силой вниз
Курортников, отбившихся от стаи,
И к сентябрю их поголовье тает.
И лижут волны шлёпки и футболку –
Свидетельства побед морского волка.

Коктебельские травы

Где-то в тени, в солнечном Магадане Коктебеле
Там где поэты складывают слова,
Путают отношения, дни недели,
По вечерам цветёт целибат-трава.

Там кое-кто кое-где ночью порою,
С лицом и повадкой неумершего поморца,
Рвёт целибат-траву, готовит настои
И подливает в вино монахам и стихотворцам

Не знаю как у монахов и врать не стану,
А чтоб стихотворцы музам не говорили: «увы...»
Их по ночам будит поэт Кабанов
И даёт антидот из сам-знаешь-какой-травы.

Внезапно замолчали соловьи
Напившись неба, захлебнувшись высью...

- Иванушка, не пей из колеи,
Тойотой станешь, хондой, мицубисью!

Но выпало всем сёстрам по серьгам,
Алёнушку везла «Калина лада»
По всем семи холмам, по всем кругам,
По всем развязкам дантовского МКАДа.

Как нахохлишься - сразу направо,
Загаси, положи на пенёк,
Как накроется слава, халява -
Пригодится бычок.

Всё закончилось. Сточены лясы.
Хватит корчить придурка.
Ты вернулся напрасно.
Ни пенька. Ни окурка.

А. Кабанову

Ах, не ври. И при мне не вибрируй,
Не сбивай весь квартал на верлибр.
Отречёмся от нового мира,
Напечатает нас «Старый мир».

Ах, постой, ничего мы не стоим,
Ничего мы не значим нигде.
В отвратительном вечном покое,
Где звезда говорит о звезде.

Вы же знали – мы сами с нулями,
Вы же видели, как мы ушли:
Не касаясь земли костылями
И вообще не касаясь земли.

Отчего я шугаюсь, как трус?
Оттого что за пазухой пусто.
В год змеи тяжело без мангуста,
В год змеи очень нужен мангуст.

Мы в рептилиях – просто по грудь,
Змей зелёный погубит нас скоро!
Отвечай, где ты шарисься, Жора?
Приходи и копьё не забудь!

Мимо пьянок, гулянок и оргий
Чтоб повергнуть змеиную гнусь
Мы идём: я, Георгий, мангуст.
Мы идём: я, мангуст и Георгий.

Подари мне медузу в тазу золотого аи,
Ничего нет прекрасней союза аи и медузы
О медузах морскою весною поют соловьи
О медузах поэтам твердят их усталые музы.

Бросить пить. Поступить для начала, к примеру, в медвуз,
Заучить наизусть на латыни все кости свои человечьи,
Никаких тебе больше стихов, никаких больше муз и медуз,
А здоровое сердце, здоровое сердце и печень.

И сидеть на приёме, мурлыкать какой-нибудь блюз,
Стетоскопом исследуя пузо больного поэта,
И качать головой и советовать отдых от муз,
И вообще скорректировать планы на жизнь и на лето.

Всё мечты. Спит поэт за накрытым столом,
Погрузивши не морду в салат, а в янтарный мёд ус и,
Ему снится, как други-матросы подносят весло,
На весле – как положено – тазик аи и медузы.